

латься геройским освободителем отчизны, если бы сумел предстать пред соотечественниками в роли нового Эпаминонда и если бы сам являл собой нечто большее, чем заурядного честолюбца и себялюбивого искателя приключений.

Достигнув Лариссы, Сгур встретил там Алексея III. Бежавший император, на голову которого обрушились все вины развращенной империи, имел при себе отряд греков, оставшихся ему верными. Он соединился со Сгуром и выдал за него в замужество свою дочь Евдокию в надежде, что зять поможет восстановлению его на престоле¹. Но тут подступил фессалоникийский король со своим войском, состоявшим из ломбардцев, франков и немцев. Бонифация сопровождали благородные рыцари Гильом де Шамплит, Оттон де ла Рош, маркграф Гвидо Паллавичини, Жак д'Авен вместе с двумя братьями из фамилии Сент-Омер, а равно и братья далле Карчеры — все они жаждали добыть богатые лены; к ним же примкнули и греческие приматы, истые изменники отечеству, как их по заслугам называет Никита Акоминат.

В конце сентября 1204 г. Бонифаций проник в долину Темпе и осадил город Лариссу, который Сгур и Алексей III поспешили покинуть. Сгур, правда, порешил было дать франкам отпор в теснинах Фермопил, но один взгляд на закованные в броню рыцарские дружины обратил перепуганных греков в бегство. Рамбо де Вакейрас из Оранжа, знаменитый трубадур и соратник Бонифация, подсмеивался над греками, замечая, что у них сердца спустились в пятки, чтобы лучше пришпоривать коней. Сгур спасся бегством на скалистые твердыни верхнего Коринфа, Бонифаций же приказал Гвидо Паллавичини занять Бодоницу и, по важности ее расположения у Фермопильского прохода, предоставил ее Паллавичини на правах лена. Таким образом создано франкское Бодоницкое маркграфство, приобретшее впоследствии значительную славу: оно обнимало владения эпикнемидской и опунтийской Локриды и граничило с Беотией. Другие города, как, напр., Платамона, Ла-

¹ Вероятно, Алексей III и даровал своему зятю титул себастогипертатоса — необычайное видоизменение сана пангиперсебастоса, не упоминаемое вовсе у Кодина в сочинении *De officiis*.